

Игорь Баринов

Союзники или коллаборанты? ОУН и нацистская Германия в ходе оккупации Украины в 1941-1943 гг.

Дискуссии о деятельности Организации украинских националистов (ОУН) в годы Второй мировой войны ведутся в академической среде уже весьма продолжительное время, порой выходя за рамки научной беспристрастности. Столь же оживленный отклик получают работы, повествующие не только о месте ОУН в войне между СССР и нацистской Германией, а вообще о жизни и деятельности лидеров ОУН, как это было с книгой Гжегожа Россолинского-Либе, посвященной Степану Бандере¹. В этом смысле можно полностью согласиться с современным украинским исследователем Яной Примаченко, по словам которой деятельность ОУН и ее бандеровской фракции во Второй мировой войне выступает одной из «наиболее дискуссионных и политизированных тем в современном историческом дискурсе Центрально-Восточной Европы»².

Нужно отметить, что проблемной является не только тема ОУН как объекта исследования, но и наследие самой организации, вернее, его перцепции в сегодняшней Украине. Стержневой слоган ОУН – «Нація понад усе!» («Нация превыше всего!») – как оказалось, по-прежнему очень притягателен для современных украинских националистов. Сила эмоционального фона, который окружает эту идею, по сути убивает любую рефлексивность о рисках ее реализации в рамках концепции «нация-государство» (их подробно разобрал в своей последней работе Алексей Миллер)³. Здесь мы возвращаемся к тезису американского политолога Кэтрин Вердери о символической природе нации. По мнению автора, особенность символа нации заключается в том, что он вызывает к жизни мощные эмоции, при этом будучи, в силу своей неоднозначности, открытым различным интерпретациям. Национализм для Вердери представляется совокупностью «политического использования символа нации» и эмоций как реакции людей на использование такого символа⁴.

В данном случае подобным символом стал лидер радикальной части ОУН Степан Бандера. Культовость фигуры лидера ОУН(б) в среде украинских правых

¹ Rossoliński-Liebe G. Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist. Fascism, Genocide, and Cult. Stuttgart, 2014.

² Примаченко Я.Л. Эволюция национального вопроса в идеологии ОУН(б) в годы Второй мировой войны // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы. М., 2013. С. 396.

³ Миллер А.И. Нация, или могущество мифа. СПб., 2016. С. 130 и сл.

⁴ Цит. по: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике русских властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000. С. 14-15.

радикалов, отмеченная Россолинским в подзаголовке его работы, определяется двумя решающими моментами. Во-первых, он являет собой типичный для романтического национализма образ пассионарного Героя. Именно жизнь и смерть Бандеры в глазах части современных украинских националистов стали воплощением девиза «нация превыше всего». Реальные исторические события заменяются здесь мифологизированным нарративом, который мобилизуется соответствующими группами для оформления собственной идентичности.

С другой стороны – и это не менее важно – радикализм Бандеры стал своего рода реакцией на поражение в «войне за независимость» («визвольних замаханях») 1917-1921 гг.⁵, ответом на слабость украинских национал-демократов. Тяга националистов к харизматичному лидеру Бандере, а не к кабинетному интеллектуалу Грушевскому в данном случае вполне объяснима – ведь первый, в их глазах, вел борьбу за Украину до последнего вздоха, а второй, хотя и обладал реальной властью, не только сдался и отошел от политики, но и вернулся в Россию.

Любопытно также, что Провідник⁶ со своим радикализмом в духе донцовского «интегрального национализма» сумел отодвинуть на задний план даже других лидеров ОУН. По этому поводу Гжегож Россолинский замечает, что Бандера, обладавший меньшей харизмой, чем первый лидер ОУН, Евгений Коновалец, «обрел аналогичный культ личности»⁷. Действительно, хотя фигура Коновальца в наши дни также используется украинскими националистами в символическом пространстве, объем ее присутствия несравним с бандеровским. Еще об одном «отце-основателе» ОУН, ближайшем соратнике и сроднике Коновальца, Андрее Мельнике, в данной связи даже не приходится говорить.

Как можно видеть, оба старших товарища Бандеры оказались вытеснены другим пассионарием и «человеком действия» – командующим Украинской повстанческой армии (УПА) Романом Шухевичем. Это отразилось в известном националистическом лозунге «Бандера, Шухевич – герої України». Именно этот дуумвират стал олицетворением связки ОУН-УПА как в риторике самих украинских националистов, так и в устах их противников. Примечательно, что ни Коновалец, ни Мельник, в свою очередь, не получили в постсоветской Украине формального признания своей деятельности в виде присвоения звания Героя.

Подобное внимание к личностям Бандеры и Шухевича говорит о том, что первоочередными для националистов являются события Второй мировой войны и попытки организации государственности уже непосредственно на территории Украины. Стоит отметить, что, в отличие от национал-демократов, в свое время предлагавших концепцию украинского государства⁸, националисты имели доста-

⁵ Примащенко. Эволюция национального вопроса в идеологии ОУН(б). С. 398.

⁶ «Вождь», один из уважительных эвфемизмов для обозначения Бандеры среди украинских националистов.

⁷ Rossoliński-Liebe G. The «Ukrainian National Revolution» of 1941: Discourse and Practice of a Fascist Movement // *Kritika*. 2011. № 1. P. 99.

⁸ Украинская государственность в XX веке: историко-политологический анализ. К., 1996. С. 18-22.

точно туманные представления о процессе становления будущей Украины. В их понимании, первым этапом должна была стать «освободительная борьба» и последующее установление национальной диктатуры⁹. В какой форме должны были быть реализованы оба явления, не объяснялось, однако, по словам самого Бандеры, единственным путем к освобождению была «национальная революция»¹⁰. Данное идеологическое клише подразумевало единение всех украинцев под эгидой ОУН в борьбе за собственную государственность. Именно «национальная революция» стала, по выражению Гжегожа Россолинского, «недостающим звеном» между провозглашением украинского государства в 1941 г. и участием ОУН(б) в еврейских погромах и сотрудничестве с нацистами¹¹.

ОУН и нацистская Германия накануне вторжения в Советский Союз

Организация украинских националистов, которая часто демонизируется в общественном сознании как некая грозная монолитная сила, на самом деле никогда не отличалась внутренним единством. С момента возникновения ОУН в 1929 г. в ней были четко выражены два центра силы – эмигрантский и галицийский. В первом случае главенствующие места занимали выходцы из Украинской военной организации (УВО). Эту структуру в свое время организовали в Праге ветераны украинских войсковых формирований 1914-1920 гг. Среди них нужно назвать, прежде всего, Коновальца и Мельника, а также не менее знаковых в тогдашних националистических кругах Николая Сциборского и Омеляна Сеника.

На другом полюсе находился краевой исполнительный комитет (эксекутива) в Галиции, который разительно отличался от эмигрантского центра. Здесь в рядах ОУН преобладала молодежь, которая при этом социализировалась в условиях экзистенциально чуждого польского государства. Кроме того, представители этого поколения выросли в атмосфере непрекращающегося насилия, начиная с событий Первой мировой войны и заканчивая политикой «пацификации». Неудивительно, что эта часть украинских националистов оказалась наиболее восприимчива к тезисам «интегрального национализма», подразумевавшего, помимо прочего, культ войны и насилия¹². Именно с деятельностью краевой эксекутивы связаны самые громкие акции ОУН межвоенного периода, такие как убийство секретаря советского консульства во Львове Алексея Майлова (1933) и министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого (1934). За обеими акциями стоя-

---

⁹ Касьянов Г.В. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН): аналітичний огляд. К., 2003. С. 15-16.

¹⁰ Бандера С.А. Перспективи української революції. Дрогобич, 1998. С. 267.

¹¹ Rossoliński-Liebe. The «Ukrainian National Revolution» of 1941. P. 84.

¹² Касьянов. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН). С. 7.

ли руководитель краевого провода ОУН, 21-летний Степан Бандера, и глава боевой референтуры (отдела) экзекутивы, 26-летний Роман Шухевич.

Между полуавтономной галицийской экзекутивой и высшим руководством ОУН в эмиграции достаточно быстро наметился конфликт, вылившийся в скрытую внутреннюю борьбу¹³. В тлеющем виде он продолжался все 1930-е гг. и резко обострился после убийства лидера организации Евгена Коновальца в результате спецоперации НКВД в 1938 г. В начале 1940 г. в ОУН произошел раскол, в основе которого, как отмечает украинский историк Георгий Касьянов, лежала как раз проблема взаимоотношений «центр – край», а не вопросы идеологии¹⁴. В результате возникли две фракции – ОУН(м), оставшаяся верной Андрею Мельнику, ранее избранному руководителю организации, и так называемая «революционная ОУН», затем названная ОУН(б) – по имени своего лидера Степана Бандеры. Это положение было зафиксировано на 2-ом Большом конгрессе ОУН в Кракове в апреле 1941 г.

В указанное время и для одной, и для другой группировок украинских националистов становилось очевидным грядущее столкновение между нацистской Германией и СССР. Не было сомнений и в том, кто будет главным союзником ОУН в предстоящей войне. Однако по-прежнему оставался открытым ряд ключевых вопросов – какова будет роль украинских националистов в походе против большевиков? В каком качестве будет выступать ОУН в отношениях с рейхом? Наконец, как немецкие цели будут соотноситься с целями украинской «национальной революции»?

Прежде всего, украинских националистов волновали политические вопросы, а именно будущая украинская государственность. Стоит отметить, что в своих политических калькуляциях лидеры двух фракций ОУН отталкивались от двух принципиальных моментов. Во-первых, взаимодействие с нацистами должно было скрепить схожесть идеологий. Не случайно, как пишет Гжегож Россолинский, в 1940-1941 гг. ОУН стремилась «перенять как можно больше ритуалов, символов и способов пропаганды» от европейских фашистских движений, не говоря уже об ее крайне антикоммунистическом характере и преклонении перед концепцией «крови и почвы»¹⁵. В этой связи происходит понимание того, что українська держава в представлении ОУН была как раз не «украинским государством», а «государством украинцев». Точно так же понятия «deutsches Reich» (немецкая империя) или «großdeutsches Reich» (велико-немецкая империя) можно расшифровывать как «государство этнических/для этнических немцев».

Первому моменту сопутствовал второй, а именно вера в особое геополитическое положение Украины и непреходящий интерес к ней у руководства Германии. Это представление находилось ближе к истине, хотя, как справедливо указывает Франк Гольчевский, континуитет немецкого интереса к Украине был сконструирован

¹³ Касьянов. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН). С. 4.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Rossoliński-Liebe. The «Ukrainian National Revolution» of 1941. P. 86.

рован фантазией украинских националистов¹⁶. В любом случае ответ на этот вопрос о будущем украинского государства по сути мог дать только один человек – Адольф Гитлер.

В научной литературе встречается версия о том, что фюрер с самого начала придерживался мнения о невозможности существования независимой Украины в каком бы то ни было виде¹⁷. Однако это не совсем так. Противоречивость позиции Гитлера заключалась в том, что он, будучи сведущим в восточноевропейских вопросах, колебался от категоричности к уступчивости, и наоборот. Так, по словам начальника Генштаба сухопутных сил вермахта Франца Гальдера, летом 1940 года создание «украинского государства» рассматривалось в качестве контрмеры политике Сталина по сдерживанию рейха¹⁸. Пользуясь расположением Гитлера, куратор восточной политики Альфред Розенберг, известный своим приятным отношением к украинским националистам, в мае 1941 г. представил фюреру докладную записку о будущей концепции германской политики в оккупированных областях Советского Союза, предложив разделить территорию СССР на ряд губернаторств, а отдельным субъектам, в том числе и Украине, предоставить автономию¹⁹. Гитлер, как свидетельствует Гальдер, долго колебался²⁰, однако в итоге отверг предложение Розенберга, указав, что речь может идти только о включении оккупированных территорий в состав рейха.

Украинские националисты, скорее всего, не знали об этих дискуссиях. В любом случае лидеры фракций ОУН рассматривали себя как союзников рейха – с той лишь разницей, что Мельник уступал первенство Германии, а Бандера настаивал исключительно на равноправных отношениях. Оба случая коренились в объективных обстоятельствах – Мельник, в силу своего положения, мог надеяться лишь на покровительство Берлина, тогда как Бандера располагал крепкой социальной базой, которая, к слову, доставляла заметные хлопоты органам НКВД в первый короткий период советской власти в Западной Украине²¹.

Можно лишь догадываться, как себе представляли взаимоотношения с Мельником и Бандерой в руководстве рейха. С одной стороны, ОУН(м) с ее изначально подчиненным положением вызывала больше доверия. Так, еще в сентябре 1940 г. заместитель Розенберга, Арно Шикеданц, в письме главе РСХА Рейнхарду Гейдриху, очевидно, имея в виду ОУН(б), подчеркивал, что она не может претендовать на политическую значимость в виду того, что по сути является «ма-

¹⁶ Golczewski F. *Deutsche und Ukrainer, 1914-1939*. Paderborn, 2010. P. 40.

¹⁷ Torzecki R. *Kwestia ukraińska w polityce III Rzeczy (1933-1945)*. Warszawa, 1972. P. 172.

¹⁸ Гальдер Ф. *Военный дневник: ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг.* Т. 2. М., 1971. Запись от 22 июля 1940 года.

¹⁹ Friedrich G. *Kollaboration in der Ukraine im Zweiten Weltkrieg: Die Rolle der einheimischen Stadtverwaltung während der deutschen Besetzung Charkows 1941 bis 1943*. Dr. phil.-Diss. Bochum, 2008. P. 43.

²⁰ Об этом см.: Arnold K.J. *Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion: Kriegführung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa»*. Berlin, 2005. P. 86.

²¹ См., напр.: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 243-251.

ленькой террористической группой местной галицийской окраски». Пытаться придать ей такую значимость, по словам Шикеданца, было бы «бесполезно и неумно»²². Тем не менее, зимой 1940/41 гг. абвер сформировал в лагере Нойхаммер (Нижняя Силезия) батальон из бывших военнослужащих польской армии – украинцев по национальности, имевших хорошие боевые навыки²³. Этот батальон получил название «Нахтигаль» («Соловей») и впоследствии был передан под командование Романа Шухевича, активиста ОУН(б).

Вероятно, здесь речь идет о двух условных линиях взаимодействия с украинскими националистами, которые шли параллельно. Первая, «линия Розенберга», опционально допускала организацию некой формы украинской автономии в рамках сотрудничества с ОУН в целом. Вторая, «линия спецслужб», рассчитывала использовать в своих целях диверсионный опыт украинских радикалов – неслучайно ОУН(б) курировали спецслужбы, а не армия или политическое руководство²⁴. Симптоматично, что связной абвера, уроженец Галиции Ханс Кох, присутствовал на провозглашении украинского государства лидерами ОУН(б) во Львове 30 июня 1941 г.

Таким образом, ответ на первый ключевой вопрос был так или иначе дан – Берлин был не против участия ОУН в войне против СССР. Вместе с тем, другие два вопроса, которые следовало решить в первую очередь, остались без ответа. Статус ОУН во взаимоотношениях с Германией не был четко обозначен, устремления и амбиции двух ее соперничавших фракций по сути никак не разграничивались. Вопрос о вероятной организации «на освобожденной территории» украинского государства также завис в воздухе. Именно из-за подобной неосмотрительности уже в ходе оккупации Украины первоначальная стратегия не работала.

Сотрудничество ОУН и нацистов: сложности трактовки

Феномен коллаборационизма на оккупированных нацистами советских территориях относится к наиболее сложным и противоречивым темам изучения в рамках войны между Германией и Советским Союзом. Для исследователя, который начинает заниматься данной проблематикой, сразу же встает вопрос наполнения самого термина «коллаборационист»²⁵. Одно и то же слово использовалось и ис-

²² Das Dritte Reich und die ukrainische Frage. Dokumente 1934-1944. P. 51.

²³ Torzecki. Kwestia ukraińska... P. 204.

²⁴ Дерейко І. Місцеві формування німецької армії та поліції у Райхскомісаріаті «Україна» (1941–1944 роки). К., 2012. С. 21.

²⁵ Этот вопрос применительно к оккупированной советской территории артикулировал Олег Будницкий. См.: Будницкий О.В. Свершилось – пришли немцы: идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012. С. 6. В рамках настоящей статьи я условно разделяю понятия «коллаборант» и «коллаборационист» по тому принципу, что во

пользуется для обозначения как минимум двух принципиально разных по всей природе явлений – идейного сотрудничества с врагом и контактов с оккупационной властью без идейной мотивации. С наступлением мирного времени обозначение «коллорационист», используя терминологию Джона Остина, стало «перформативным». Амир Вайнер недаром выделил в названии своей во многом новаторской монографии ту роль опыта войны, которую он сыграл в поиске и обретении послевоенных смыслов. Как указывает автор, повлиять на жизнь отдельно взятого человека мог даже тот факт, что он отказался вступить в партизанский отряд и остался на оккупированной территории, что давало простор для дальнейших подозрений²⁶.

Как это часто бывает, теоретические построения не могли охватить весь спектр реальных явлений. По свидетельству очевидцев, переживших оккупацию, население условно разделилось на три группы: сторонников советской власти, тех, кто принципиально сотрудничал с немцами, и безынициативных граждан, которые просто хотели выжить²⁷. По образному выражению немецкого историка Гюнтера Фридриха, работа в немецкой столовой означала доступ к остаткам еды со стола²⁸. В этой связи возникает вопрос, следует ли относить к коллорационизму вынужденные бытовые контакты с оккупантами, преследовавшие цель элементарного выживания? Не исключено, что колхозник из случая, описанного Вайнером, попадает даже не в третью, а в первую группу.

Со второй группой все ясно только на первый взгляд. Как свидетельствуют исследования украинских историков, среди полицейских Галиции, до сих пор считающейся самой антисоветской областью Украины, сознательных врагов советской власти было лишь около трети, тогда как до 40% служащих действовали под давлением иных обстоятельств²⁹. Схожая ситуация была и на территории рейхскомиссариата «Украина»³⁰. Так, среди 33 человек, вступивших в организованную в Золотоноше в начале декабря 1941 г. украинскую казачью сотню, к идейным врагам большевиков можно отнести только семерых – двух участников «украинской революции» 1917-1922 гг. и пятерых раскулаченных/репрессированных³¹ (то есть лишь 20% от общего числа добровольцев).

Стремление к сотрудничеству со стороны местных жителей в рамках охранно-полицейских структур имело для немецких властей и обратную сторону. Учи-

---

втором случае инициатива сотрудничества не всегда встречала изначальную расположенность нацистов.

²⁶ Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001. P. 184-185.

²⁷ Куликов В.Я. *Оккупация Винницы (18.07.1941-20.03.1944): свидетельство очевидца*. К., 2012. С. 132.

²⁸ Friedrich. *Kollaboration in der Ukraine...* P. 187.

²⁹ Клименко О.О., Ткачов С.В. *Українці в поліції в дистрикті «Галичина» (Чортківський округ): німецький окупаційний режим в південних районах Тернопільщини у 1941-1944 рр.* Харків, 2012. С. 274.

³⁰ Дерейко. *Місцеві формування...* С. 84.

³¹ Там же. С. 44.

тывая общую направленность этно-демографической политики нацистов на оккупированной территории, коллаборационизм местных жителей приносил весьма относительные и не всегда долговременные материальные блага³². Очевидно, те, кто пошел на сотрудничество с немцами, стремились как можно больше выжать из своего положения. Служащие украинской вспомогательной милиции³³ – те самые «полицаи» из советских фильмов – воровали на производстве, которое охраняли, и затем выменивали продукцию, делали фальшивые накладные на получение дефицитного товара, вымогали выкуп у задержанных евреев³⁴. Часть набранных милиционеров в итоге пришлось удалить из-за драк, пьянства и совершения краж³⁵.

В другом случае бойцы местной самообороны могли действовать исключительно в интересах своей округи, не подчиняясь приказам из Ровно, столицы рейхскомиссариата³⁶. С этим явлением связан феномен Полесской сечи – крупного соединения вспомогательной милиции, действовавшего под руководством коменданта Сарненского района Тараса Боровца (Бульбы)³⁷. Именно эти формирования изначально носили название «Украинская повстанческая армия», которое впоследствии переймут вооруженные отряды ОУН(б). Бульба первоначально отказывался подчиняться немцам, подчеркивая, что он командует украинскими частями, которые считают законным правительство УНР в изгнании. В этом смысле не очень понятно, насколько такие своевольные «коллаборационисты» из местных реально были полезны немецким властям.

Вопрос имплементации действий ОУН в общую картину коллаборационизма на оккупированной территории Украины наталкивается сразу на несколько серьезных препятствий. Начать нужно с вопросов чисто юридического характера. Те кадры ОУН, которые находились в Галиции и Буковине к осени 1939 г., после «освободительного похода» Красной армии автоматически стали советскими гражданами. С этой точки зрения их коллаборационизм по идее нужно рассматривать неотрывно от аналогичного явления в других областях советской Украины. Вместе с тем, с момента присоединения регионов Западной Украины до начала немецкого вторжения прошло меньше двух лет, в связи с чем возникает вопрос, успело ли население этих территорий стать «советскими людьми». Этот

---

³² Дерейко. Місцеві формування... С. 43.

³³ В разных районах оккупированной Украины охранные части, сформированные из местных, именовались по-разному («полиция», «вспомогательная милиция», «самооборона»). В рамках данной статьи эти понятия являются синонимами.

³⁴ Гінда В., Дерейко І. Корупція в райхскомісаріаті «Україна»: маловивчена сторінка окупаційної дійсності // Сторінки воєнної історії України: зб. наук. статей. Вип. 14. К., 2011. С. 183; Олійник Ю.В., Завальнюк О.М. Нацистський окупаційний режим в генеральній окрузі «Волинь-Поділля» (1941-1944 рр.). Хмельницький, 2012. С. 61.

³⁵ Олійник, Завальнюк. Нацистський окупаційний режим... С. 62.

³⁶ Дерейко І. Локальний вимір партизансько-поліційного протистояння в Райхскомісаріаті «Україна»: еволюція сільських відділків поліції у 1941–1944 рр. // Сторінки воєнної історії України: зб. наукових статей. Вип. 15. К., 2012. С. 87, 95.

³⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 500к, оп. 1, д. 775, л. 75.

сюжет становится еще более противоречивым, учитывая то, что в рамках ОУН новые граждане советской страны взаимодействовали и идейно солидаризировались с эмигрантами, которые никогда не являлись гражданами СССР.

Во-вторых, сотрудничество ОУН с нацистами изначально было идейным, то есть материальная составляющая или была вторичной, или вообще не играла значительной роли. Активные коллаборационисты из числа советских граждан, признавая верховенство «новой власти», стремились в изменившихся условиях к поддержанию и вероятному улучшению своего статуса. На фоне оккупационной действительности служащие вспомогательной милиции могли обеспечить себе сносное существование. Так, запорожские полицейские в июле 1942 года получали в неделю 3,5 кг хлеба, 10,5 кг картофеля и другие продукты³⁸. Было введено и денежное довольствие: дневное жалование командиров подразделений вспомогательной милиции составляло 1 рейхсмарку, рядовых бойцов – 50 рейхспфеннигов³⁹. Для сравнения, молодой квалифицированный рабочий на оккупированной территории за 11-часовой рабочий день получал около 1,5 рейхсмарок⁴⁰. По иронии расплачиваться с бойцами милиции могли не только немецкими, но и советскими деньгами⁴¹ с изображением Ленина. Служащие украинской милиции официально имели право на социальный пакет, в том числе на лечение в местных оздоровительных учреждениях при ранении, полученном за время службы. Их семьи имели право на пенсию в случае гибели кормильца. В зависимости от семейного положения, наличия детей, возраста, чина и некоторых других факторов она составляла от 17 до 80 рейхсмарок в месяц, существовали также надбавки для вдовы и детей⁴².

Со своей стороны, активисты ОУН рассматривали себя как нарождающуюся законную власть будущей Украины. В особенности это касалось «бандеровцев»: согласно инструкции, выработанной их лидером, построение украинской государственности должно было начинаться на освобожденных от «московско-большевистской оккупации» украинских землях сразу же, без промедления⁴³. Следуя за наступающими немецкими войсками, члены ОУН стремились самостоятельно легализоваться в органах оккупационной администрации⁴⁴. По данным украинских историков, более чем в 200 районах Западной и Центральной Украины были сформированы низовые органы власти ОУН, ждавшие момента

---

³⁸ Golczewski F. Die Kollaboration in der Ukraine // Kooperation und Verbrechen: Formen der «Kollaboration» im östlichen Europa, 1939-1945. Göttingen, 2003. P. 174.

³⁹ РГВА. Ф. 1323к, оп. 2, д. 276, л. 4 об, 25.

⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р7021, оп. 148, д. 33, л. 17.

⁴¹ Медведь Н.Т. Оккупация. М., 1995. С. 28.

⁴² РГВА. Ф. 1323к, оп. 2, д. 287, л. 2 об-5; Олійник, Завальнюк. Нацистський окупаційний режим... С. 56; Дерейко. Місцеві формування... С. 87.

⁴³ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 299.

⁴⁴ Титаренко Д.Н. Деятельность Организации украинских националистов в период нацистской оккупации на Востоке Украины (зона военной администрации): коллаборация или сопротивление? // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы. Краснодар, 2006. С. 161.

для легализации⁴⁵. Факты говорят о том, что националисты скорее хотели использовать проявления коллаборационизма среди местных жителей в своих целях. Как указывает Юрий Радченко, структуры украинской полиции становились для членов ОУН «школой» в проведении массовых этнических чисток⁴⁶. Националисты пользовались отсутствием дисциплины среди украинских полицейских: известен случай, когда служащие Васильковской районной полиции продали агентам ОУН два пулемета⁴⁷.

Все это может говорить о том, что украинские националисты, прежде всего, члены ОУН(б), рассматривали себя именно как союзников нацистской Германии. Вместе с тем, с политико-правовой точки зрения, у украинских националистов отсутствовали те атрибуты, которые бы действительно позволили поставить их в один ряд со странам-сателлитами рейха – прежде всего, государственность и регулярная армия. Здесь мы вновь возвращаемся к проблеме статуса ОУН и обеих ее фракций, который так и не был четко определен немцами.

Насколько можно судить, немецкая сторона исходила из того, что ОУН(м) и так согласна на подчиненное положение, а ОУН(б) является небольшой группой террористов, с которой легко можно совладать. В реальности же «мельниковцы» медлили, засыпая Берлин меморандумами и ожидая хотя бы словесной поддержки, тогда как «бандеровцы» сразу же стали проводить свою линию, ни на кого не оглядываясь. Неловкость ситуации обнаружилась очень быстро. Как можно видеть, изначально в Берлине планировали использовать ОУН(б) в подчиненном положении, однако «бандеровцы» видели себя исключительно в роли союзников Германии. Вероятно, в изменившихся условиях немецкая сторона и хотела видеть ОУН(м) своим союзником, однако «мельниковцы» могли предложить себя только в роли зависимых коллаборантов.

«Странные» союзники

Вторая мировая война породила ряд коллизий, дотоле неведомых европейскому и мировому праву. Одной из них была «странная война». Так характеризовалось положение на Западном фронте с сентября 1939 по апрель 1940 гг., когда Германия и ее противники – Великобритания и Франция, – находясь в состоянии войны, практически не вели боевых действий. За полгода до начала этих событий, весной 1939 г., на карте Европы появился «протекторат Богемии и Моравии», созданный из остатков бывшей Чехословакии. Данный термин впервые был

⁴⁵ Олійник, Завальнюк. Нацистський окупаційний режим... С. 44-46.

⁴⁶ Радченко Ю. «Ukrainische Hilfspolizei» и Холокост на территории генерал-бецирка Чернигов, 1941–1943 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 299.

⁴⁷ Гінда, Дерейко. Корупція в райхскомісаріаті «Україна». С. 181.

применен к европейским реалиям – до этого так именовались только колониальные владения.

Взаимоотношения нацистов и украинских националистов в 1941-1943 гг. по праву могут занять свое место в этом ряду. Их взаимодействие на оккупированной Украине не укладывается в рамки традиционной категоризации коллаборационизма. При этом его, в силу обозначенных причин, нельзя называть и союзничеством. По сути это было некое ситуативное сотрудничество, которое в итоге оказалось не слишком продуктивным ни для одной, ни для другой стороны. Достаточно быстро между немцами и ОУН(б) возникло взаимное недоверие. Тем не менее, немецкая сторона продолжала контактировать с «бандеровцами», тогда как деятельность более слабой ОУН(м) была силовым методом сведена Берлином на нет. Между этими событиями, которые достигли своего пика летом-осенью 1942 г., и вступлением украинских националистов на советскую территорию был целый год. В течение этого года целый ряд акторов, включая различные немецкие структуры и группы украинских националистов, пытался реализовать каждый свою программу, периодически блокируясь или сталкиваясь с другими.

По словам Гжегожа Россолинского, «за свои услуги» ОУН(б) ожидала в качестве политического вознаграждения организацию украинского государства⁴⁸, а «хорошо продуманная программа действий» в рамках «украинской национальной революции» в итоге не осуществилась просто потому, что «ОУН(б) оказалась неспособна убедить нацистское руководство согласиться с ней»⁴⁹. Здесь я позволю себе решительно не согласиться с коллегой. Рассматривая действия сторонников Бандеры, можно заметить, что с политической точки зрения это была смесь идеализма и ничем не подкрепленных амбиций. Здесь важно как раз то, что Бандера не собирался никого ни в чем убеждать. Безотносительно немецких гарантий и собственных возможностей у лидеров ОУН(б) существовало твердое намерение основать свое государство. Это проистекает как из довоенной инструкции Бандеры, так и из имплицитного стремления украинских националистов стать полноценной стороной конфликта, что было невозможно без государственности и вооруженных сил. Не исключено, что намерением украинских националистов было вообще желание стать, без объективных на то предпосылок, некой «третьей силой»⁵⁰.

Идеологическое сходство программ НСДАП и ОУН придавало Бандере уверенности в том, что нацисты в таком случае смогут рассматривать его в качестве полноправного союзника рейха в борьбе против большевиков. Это сразу нашло отражение и на символическом уровне: в пропагандистской риторике ОУН(б)

---

⁴⁸ Rossoliński-Liebe. The «Ukrainian National Revolution» of 1941. P. 91.

⁴⁹ Ibid. P. 113.

⁵⁰ Титаренко. Деятельность Организации украинских националистов в период нацистской оккупации на Востоке Украины. С. 169.

Гитлер и Бандера фигурировали на одном уровне⁵¹, учитывая, что в реальности они, конечно, были несопоставимы. В этой связи неудивительно, что первым же политическим актом радикального крыла ОУН стало провозглашение государства 30 июня 1941 г. Премьер-министром образованного в тот же день правительства стал заместитель Бандеры – Ярослав Стецько.

Как следует из документов, для немецкого руководства образование украинского правительства стало полной неожиданностью. Так, эксперт МИД по делам России Георг Гросскопф писал министру Риббентропу, что «самовольное предприятие тщеславной группы Бандеры» стало сюрпризом для немецкой администрации⁵². Правительство Стецько, между тем, не теряло времени и перешло ко второй фазе, призванной институализировать сотрудничество ОУН(б) и немцев, а именно к созданию собственных вооруженных сил. Уже в конце июня 1941 г. ОУН начала организовывать местную народную милицию⁵³. По данным украинских историков, в начале оккупации ОУН(б) удалось укомплектовать ее на 100% своими кадрами⁵⁴. Кроме того, референтам «бандеровских» походных групп поручалось сформировать в населенных пунктах национальные военные гарнизоны для создания в дальнейшем украинской народной революционной армии⁵⁵. Как говорилось в довоенной инструкции Бандеры, ее основой должны были стать в том числе «украинские части» Красной армии⁵⁶.

Как уже было сказано, различные участники событий на оккупированной территории стремились продвинуть каждый свою адженду. Это вызывало к жизни ряд процессов, которые могли идти параллельно, пересекаться, продолжаться или дополнять друг друга. Важно в этом отношении то, что каждая сторона могла наделять одни и те же события собственным смыслом. В данной связи показателен случай Львова, который 30 июня 1941 г. был занят немецкими войсками. Вошедшие в город вместе с ними отряды украинских националистов начали ужасающий еврейский погром, бушевавший во Львове всю следующую неделю. Как отмечает немецкий историк Ханнес Хеер, части вермахта и полевой жандармерии были не против, чтобы украинские боевики выполнили эту «грязную работу», тогда как сами только координировали ее, например, в ходе заключения евреев в тюрьмы или их сортировке⁵⁷. Таким образом, в глазах немцев украинские националисты были добровольными инициативными помощниками.

---

⁵¹ Heer H. Einübung in den Holocaust: Lemberg Juni/Juli 1941 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2001. № 5. P. 417.

⁵² Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Serie D. Bd. XIII.1. Göttingen, 1970. P. 167.

⁵³ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 331.

⁵⁴ Олійник, Завальнюк. Нацистський окупаційний режим... С. 57.

⁵⁵ Дерейко. Локальний вимір партизансько-поліційного протистояння в Райхскомісаріаті «Україна». С. 89.

⁵⁶ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 298.

⁵⁷ Heer. Einübung in den Holocaust. P. 419. См. на эту тему также статью Кайя Струве в этом выпуске Форума – прим. ред.

Члены ОУН воспринимали этот погром совершенно по-другому. В их представлении провозглашение государственности, начало формирования армии и преследование евреев были частями одного большого процесса, а именно организации «украинской державы», как они ее представляли. По свидетельствам очевидцев, переживших львовские события, «как из-под земли» возникли люди с желто-голубыми повязками, которые стали наводить свой «порядок»⁵⁸. Впоследствии, по мере продвижения немецких войск по Украине, вооруженные отряды ОУН оказывали им помощь в борьбе с оставшимся на оккупированной территории советским активом⁵⁹.

Названные сюжеты призваны проиллюстрировать как раз те случаи, когда происходило совпадение изначальных намерений нацистов и ОУН. Однако так было далеко не всегда. Армейское командование, которое изначально поддерживало самоорганизацию украинцев, прибывших вместе с частями вермахта, после львовских событий переменяло свою точку зрения. В начале июля 1941 г. было принято решение об усилении немецкого воинского контингента для обеспечения безопасности продвижения фронтовых дивизий и организации командных пунктов «в условиях, когда во Львове орудовали тысячи украинских националистов»⁶⁰. Похожим образом поступила и гражданская администрация, потребовав от руководства ОУН(б) прекратить полномочия украинских органов государственной власти. После саботажа решения немецких властей Бандера и Стецько 5 июля 1941 г. были задержаны и переведены под домашний арест. В течение следующей недели были арестованы остальные члены несостоявшегося украинского правительства.

Вместе с тем, проблема была в том, что зона активности ОУН(б) не ограничивалась Львовом и Галицией. Вооруженные формирования украинских националистов двигались практически синхронно с наступавшим вермахтом. Так, в августе 1941 г. они уже действовали на Волыни, в сентябре – в Киеве, а к ноябрю того же года «походные группы» организации добрались и до Донбасса. Здесь немцы решили зайти с двух сторон – попытаться использовать ОУН(м) и одновременно нейтрализовать боевые части ОУН(б).

С этими сюжетами связана одна любопытная и важная для нашего исследования деталь. Десятилетия спустя, уже в эмиграции, близкий сотрудник Бандеры и один из самых известных историографов ОУН, Петр Мирчук, писал, что Мельник в действительности был лишь послушным исполнителем воли Гитлера. Как указывал автор, действия лидера ОУН(м) шли вразрез с благородным стремлением Бандеры возродить украинское государство. В данном контексте Мельник был обвинен в самом страшном преступлении – намерении передать украинскую территорию под власть Германии. В этой связи самоустранение Мельника от

---

⁵⁸ Heer. Einübung in den Holocaust. P. 418.

⁵⁹ Титаренко. Деятельность Организации украинских националистов в период нацистской оккупации на Востоке Украины. С. 162, 167.

⁶⁰ Heer. Einübung in den Holocaust. P. 422.

«акта 30 июня» представлялось Мирчуку логичным, а его «пылкое желание» служить Германии якобы стало для Бандеры сродни «удара ножом в спину»⁶¹.

Насколько можно видеть, в представлении «бандеровской» фракции безоговорочное следование в германском фарватере, очевидно, и было тем самым коллаборационизмом, которому противопоставлялось «союзничество» с немцами, как уже отмечалось, неизбежное в ходе войны. В инструкции Бандеры оно даже именовалось «естественным» и распространялось не только на рейх, но и вообще на те государства, которые вели «борьбу с Москвой» и не относились к Украине враждебно⁶². С точки зрения «бандеровцев», положение «мельниковцев» действительно могло показаться подчиненным. Организованные военными активистами ОУН(м) вооруженные формирования – Буковинский и Киевский курени – продолжили сотрудничать с немцами даже после того, как были слиты вместе и преобразованы во вспомогательную полицию. Подразделения же, сформированные ОУН(б), были в августе-октябре 1941 года либо распущены, либо преобразованы в подчиненные карательным немецким частям отряды или рабочие команды⁶³.

В данном случае злость Бандеры, особенно на фоне разгона львовского правительства, могла вызвать скорее политическая деятельность мельниковской фракции⁶⁴. Так, в октябре 1941 г. бургомистром Киева стал активист ОУН(м) Владимир Багазий. Тогда же в городе был организован Украинский национальный совет, ставивший своей целью координировать организацию украинских органов управления. Информационной поддержкой действий Совета занималась массовая газета *Украинское слово*. Учитывая разногласия между ОУН(м) и ОУН(б), неслучайно, что с именем лидера ОУН(б) связывается убийство в августе 1941 г. Николая Сциборского и Омеляна Сенника, фактических представителей Мельника на оккупированной Украине.

Воодушевление «мельниковцев» и их обширные планы не могли остаться незамеченными со стороны немецкой администрации. Стабильность в тылу была особенно важна в условиях наступления вермахта на Москву в октябре-ноябре 1941 г. В этих условиях Украинский Национальный совет по распоряжению рейхскомиссара Украины Эриха Коха был расформирован. Были арестованы и в феврале 1942 г. расстреляны бургомистр Багазий, редактор *Украинского слова* Иван Рогач и другие активисты ОУН(м). Репрессии против членов фракции Мельника продолжались в течение всего 1942 г. Лишив военизированные формирования «мельниковцев» политического руководства, нацисты фактически

---

⁶¹ Мірчук П. Революційний змаг за УССД. Т. 1. Нью-Йорк, Торонто, 1985. С. 8-10, 36, 103.

⁶² Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 299.

⁶³ Дерейко. Локальний вимір партизансько-поліційного протистояння в Райхскомісаріаті «Україна»... С. 94.

⁶⁴ Berkhoff K.C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, Mass., 2004. P. 52.

превратили их в обыкновенных коллаборационистов, наподобие тех, которые были выходцами из местного населения.

Как представляется, та же участь ожидала и «бандеровцев». Первые аресты в среде актива ОУН(б) начались уже в начале сентября 1941 г., причем не только на украинской территории⁶⁵. В западных и центральных районах Украины вспомогательная милиция была полностью перенабрана, дабы избежать влияния на нее бандеровских активистов. На востоке она была очищена от нелояльных украинских националистов⁶⁶. Выборность была ликвидирована⁶⁷, а сами бойцы стали лишь формально подчиняться местному бургомистру, на самом деле находясь в введении отделения гестапо⁶⁸. Батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», организованные за счет бандеровских кадров, в октябре 1941 г. были передислоцированы во Франкфурт-на-Одере. В скором времени на их базе был развернут 201-й батальон шуцманшафта (охранных подразделений)⁶⁹.

Массированный натиск немцев дезорганизовал и дезориентировал ОУН(б). Сперва «бандеровцы» не поверили в столь резкую перемену отношения своих «союзников»: так, в начале октября 1941 г. в политическом отношении было решено не вступать с немцами в конфликт и не вести открытой антинемецкой пропаганды⁷⁰. Тем не менее, перспектива стать расходным материалом в руках нацистов не просто не прельщала «бандеровцев», а противоречила всей политической концепции ОУН(б). В начале 1942 г. в Виннице появились листовки ОУН, в которых Германия именовалась «вечным врагом» Украины⁷¹. В апреле того же года на 2-ой конференции организации Германия и вовсе была признана «оккупантом» Украины⁷².

Немецкая сторона не оставалась в долгу: уже к маю 1942 г. все активисты ОУН(б), несогласные с линией рейха, фигурировали в официальных документах как представители «нелегального движения»⁷³. Началось наступление и на украинскую символику. Так, организованные ранее вспомогательные вооруженные подразделения за принесение присяги на верность Украине под желто-голубым

---

⁶⁵ Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: історичні нариси. К., 2005. С. 91.

⁶⁶ Радченко. «Ukrainische Hilfspolizei» и Холокост на территории генерал-бецирка Чернигов, 1941–1943 гг. С. 304.

⁶⁷ Дерейко. Локальний вимір партизансько-поліційного протистояння в Райхскомісаріаті «Україна»... С. 95.

⁶⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, оп. 125, д. 172, л. 13.

⁶⁹ Мотыка Г. От волынской резни до операции «Висла»: польско-украинский конфликт 1943–1947. М., 2014. С. 41.

⁷⁰ Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. С. 92.

⁷¹ Weiner. Making Sense of War. P. 165.

⁷² Титаренко. Деятельность Организации украинских националистов в период нацистской оккупации на Востоке Украины. С. 167.

⁷³ РГВА. Ф. 500к, оп. 1, д. 775, л. 71.

флагом расформировывались⁷⁴, а к концу 1942 г. украинская атрибутика исчезла на всей территории рейхскомиссариата⁷⁵.

К этому времени «бандеровская» фракция ОУН находилась в весьма сложной ситуации. Бандера и Стецько находились под арестом, политические активисты преследовались и уничтожались немцами. Боевые кадры батальонов «Нахтигалья» и «Роланда» до самого конца 1942 г. находились в Белоруссии и по сути превратились в коллаборационистов, участвуя в карательных и антипартизанских акциях. ОУН(б) раздирали внутренние противоречия относительно того, какую позицию теперь должна занять организация по отношению к рейху. Ответ на этот вопрос неожиданно дали события на советско-германском фронте.

Соучастники преступлений или сопротивленцы?

Наступление германских войск в ходе летней кампании 1942 г. на Востоке, вопреки расчетам главного командования вермахта, не принесло решающей победы. Затяжная Сталинградская битва окончилась для Германии тяжелым поражением в феврале 1943 г. Стратегическое преимущество Красной армии было закреплено в результате успешных сражений под Курском в июле 1943 г. Уже через месяц, после взятия Харькова, советские войска были готовы широким фронтом перейти в наступление в Украине.

Еще до летних боев у политического руководства ОУН(б) возникла иллюзия скорого поражения Германии. В рамках этих представлений место главных врагов будущей Украины должны были занять СССР или Польша, или же обе страны сразу. В этой связи член главного совета ОУН(б) Михаил Степаняк, претендовавший на лидерство в организации, предлагал поднять восстание против Германии с целью овладеть Украиной до прихода Красной армии. Как предполагалось, это должно было послужить углублению конфликта между западными союзниками и Советским Союзом и, возможно, перерасти в войну уже между ними⁷⁶. Подобный пересмотр отношения к немцам имел не только сугубо военные причины. Реалии двух лет нацистской оккупации и приток в ряды ОУН представителей нового поколения, в том числе выходцев из советской Украины, привел к мировоззренческому сдвигу в рядах организации⁷⁷, которую приходилось адаптировать к новым условиям.

Предложение Степаняка и поддержавшего его формального (вместо арестованного Бандеры) руководителя ОУН(б) Николая Лебеда натолкнулось на пози-

⁷⁴ Дерейко. Локальний вимір партизансько-поліційного протистояння в Райхскомісаріаті «Україна»... С. 90-91.

⁷⁵ Berkhoff. Harvest of Despair. P. 53.

⁷⁶ Мотыка. От волынской резни до операции «Висла». С. 62.

⁷⁷ Примаченко. Эволюция национального вопроса в идеологии ОУН(б) в годы Второй мировой войны. С. 396-397.

цию Романа Шухевича, признанного лидера военного крыла организации. В представлении Шухевича главным противником независимой Украины являлся Советский Союз, тогда как столкновения с немцами должны были происходить в рамках неизбежной «самообороны». На 3-ем Чрезвычайном Большом собрании ОУН(б), прошедшем в августе 1943 г., в определенной форме произошло сочетание элементов обеих платформ. С одной стороны, должен был произойти отказ от этнического подхода к «украинской державе», декларировалась надпартийность ОУН. Наряду с этим, была озвучена концепция «борьбы с двумя империализмами», германским и советским, между которыми оказалась Украина. Для ведения боевых действий с весны 1943 г. под командованием Шухевича и Дмитрия Клячковского из партизанских отрядов начала формироваться Украинская повстанческая армия (УПА). Ее бойцы достаточно быстро, за лето-осень 1943 г., сумели подавить своих «конкурентов» – отряды ОУН(м) и «бульбовцев».

Набирая силу, УПА заметно отклонялась от предписаний Большого собрания. Что касается первых двух пунктов, то они оказались скорее формальностью, чем действующим правилом. По словам украинского историка Игоря Илюшина, имеющихся документов достаточно, чтобы в целом представить себе масштаб антипольских акций ОУН-УПА на Волыни⁷⁸. Проблема участия украинских националистов в Холокосте также нашла отражение в литературе⁷⁹. По-прежнему имела заметное влияние и политическая компонента: так, «бандеровцы» не считали своим союзником Боровца, хотя он так же видел врагов и в «бешеном гестапо», и в «московских опричниках»⁸⁰.

Что касается третьего пункта, то, как указывает Анатолий Кентий, изначально действия УПА были скорее «формой самообороны украинского населения» на оккупированной территории, и она не стремилась вступать в открытые столкновения с превосходящими силами немцев. Железные дороги, войсковые комендантуры и сосредоточения боевой техники оставались «за рамками внимания» повстанцев⁸¹. По замечанию Гжегога Мотыки, ОУН(б) по очевидным причинам не была заинтересована в ослаблении вермахта, воевавшего против СССР⁸².

Таким образом, мы можем видеть целый ряд разнообразной активности украинских националистов (прежде всего, бандеровской фракции ОУН) в течение двух первых лет войны на Востоке. У нас перед глазами есть примеры специфических квазисоюзнических отношений между украинскими националистами и нацистами в течение двух летних месяцев (конец июня – конец августа) 1941 г. С

⁷⁸ Ілюшин І.І. Волинська трагедія 1943-1944 рр. К., 2003. С. 196.

⁷⁹ На эту тему, см. работы Джона-Пола Химки, Пера Рудлинга, а также последнюю книгу Кайя Струве *Германское владычество, украинский национализм, насилие против евреев*: Struve K. Deutsche Herrschaft, ukrainischer Nationalismus, antijüdische Gewalt: Der Sommer 1941 in der Westukraine. München, 2015.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 69, оп. 1, д. 578, л. 17 об.

⁸¹ Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: історичні нариси. С. 183-184.

⁸² Мотыка. От волынской резни до операции «Висла». С. 64.

другой стороны, нельзя отрицать более длительный по времени период их коллаборационизма (годовая служба «бандеровцев» в рядах 201-го батальона шуцманшафта с декабря 1941 по декабрь 1942 г.). На категоризацию действий украинских националистов на оккупированной территории заметно влияет раскол ОУН. Так, при рассмотрении действий конкретного подразделения приходится уточнять, к какой фракции какого периода времени оно относилось. Это существенно затрудняет создание общей картины активности членов организации.

Наиболее сложным представляется соотнесение двух сторон, сотрудничавших с нацистами, – ОУН и советских коллаборационистов из числа местных жителей. Здесь были возможны самые разные варианты и комбинации. К примеру, эмиссары ОУН(б) могли идейно мобилизовать вспомогательную милицию в каком-то районе. Ее участие в карательных акциях против евреев может одновременно трактоваться и как коллаборационизм по отношению к немцам, и как часть стратегии ОУН по организации «украинской державы». С другой стороны, аполитичные полицаи (а таковыми они были, как показывают исследования, в 70-80% случаев) могли сами себя рассматривать как сотрудников немцев, однако немецкая администрация, под влиянием своеволия ОУН, в свою очередь могла «отказаться» от их услуг путем расформирования отряда.

Как указывает немецкий историк Гюнтер Фридрих, взаимоотношения немцев и коллаборационистов – как «идейных», так и «вынужденных» – носили взаимно прагматичный характер⁸³. Это соотносится с замечанием Гжегожа Россолинского о том, что неудачная попытка ОУН(б) получить поддержку собственного государственного проекта от нацистов не означала, что «бандеровцы» действовали против них в ходе «украинской национальной революции»⁸⁴. Тем не менее, у этого прагматичного подхода быстро выявилась обратная сторона. Первоначальные контрагенты – нацисты и украинские националисты – на практике фактически перешли к ситуативному сотрудничеству. Коллаборационисты из числа советских граждан стремились скорее к укреплению и поддержанию своего статуса в сложившейся ситуации неопределенности, чем к действительному участию в реализации программы, предусмотренной нацистами. Оккупационная администрация достаточно быстро осознала, что не может положиться ни на одних, ни на других. В этом смысле можно говорить о том, что по-своему просчитались все участники процесса.

---

⁸³ Friedrich. *Kollaboration in der Ukraine...* P. 71.

⁸⁴ Rossoliński-Liebe. *The «Ukrainian National Revolution» of 1941.* P. 90.

Заключения

Настоящая статья ставит больше вопросов, чем дает ответов. При сложности поднятой темы, с одной стороны, это неудивительно. С научной точки зрения строгая классификация взаимодействия нацистов с украинскими националистами и коллаборационистами из числа местных жителей на оккупированной Украине представляется крайне проблематичной. Это связано с тем, что исследуемые процессы просто отказываются ложиться в рамки удобных и понятных концепций. Вместо этого они пересекаются, перетекают друг в друга, расходятся, чтобы затем снова сойтись.

Вероятно, подобная сложность подтолкнула советскую историографию, что называется, «рубить с плеча», расценивая коллаборационистов из числа украинских граждан как некую единую массу предателей. При этом, как убедительно показал Амир Вайнер, в реальности советские следственные органы разбирали каждое отдельное дело о вероятном «пособничестве оккупантам». Те же, кто принадлежал к ОУН и УПА, в свою очередь, всегда выделялись в отдельную категорию – «украинские буржуазные националисты» и априори рассматривались как орудие «гитлеровцев».

Изучение событий оккупации украинскими историками уже после распада СССР столкнулось с аналогичной проблемой категоризации действий украинских националистов, поскольку, как уже говорилось, не все моменты можно было трактовать как коллаборационизм. Для изучения активности ОУН-УПА в годы войны еще в 1997 г. указом президента Кучмы была организована целая правительственная комиссия. Ее работа так же стала предметом дискуссий – в частности, речь шла об уже упомянутых сюжетах сотрудничества УПА с немцами и объемах нанесенного ей реального урона.

С другой стороны, проблема нацистроительства в постсоветской Украине вернула в общество сохранявшийся в диаспоральной традиции нарратив об украинцах «между двумя империализмами/тоталитаризмами». Его ценность для националистов заключается в том, что он позволял тогда и позволяет сейчас сглаживать все перечисленные противоречия. Это касается не только сложности дефиниции понятий «союзник/коллаборант» применительно к оккупации Украины. В нем спокойно уживаются ультранационалистический лозунг «нація понад усе» и характеристика действий УПА как «движения сопротивления» (рух опору) тем, чьи идеи не сильно отличались от таких лозунгов.

Здесь мы возвращаемся к тому, с чего началась эта статья, – к топосу «Героев, Сражавшихся за Украину». Речь здесь идет исключительно об ОУН(б) ввиду того, что только «бандеровцы» стояли, согласно этому топосу, за подлинные интересы «украинской державы» и только они могут, таким образом, репрезентировать «рух опору». Как можно видеть, действия ОУН(м) и других украинских политических сил не находят здесь отражения – по разным причинам они были

стигматизированы или как «оппортунисты», пособничавшие немцам, или как идейно чуждые озвученному принципу «украинской нации». Именно поэтому звание Героя Украины получили Бандера и Шухевич, а не «предатель» Мельник и даже не Коновалец, занимавшийся своего рода «подготовительной работой».

Не менее важный сюжет связан с тем, что идея борьбы «с врагами Украины» фактически призвана легитимировать любые действия ОУН(б) и УПА как во время оккупации Украины, так и после ее окончания. В этом смысле вопрос категоризации украинских националистов как союзников или коллаборантов нацистов отходит на задний план, тогда как вперед уже выдвигается проблема исследования их самоценных преступлений на оккупированной территории.